

УДК 340.114.5
ББК 67.05

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ

Зыков Дмитрий Валерьевич

Соискатель кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета,
главный специалист-эксперт отдела регистрации прав на объекты недвижимости
нежилого назначения, государственный регистратор
Управления Росреестра по Волгоградской области
zyk9@yandex.ru, kmp@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринимается попытка раскрыть роль законодательного мышления в общественной практике. Автором предлагается примерное описание порядка взаимодействия реальных и идеальных факторов в правотворчестве.

Ключевые слова: законодательное мышление как форма синкретичного проявления взаимодействия теории и практики, идеал, реальные факторы, целесообразность и мораль как два способа оценок законодателя.

Право можно оценивать с точки зрения целесообразности (его пригодности как инструмента для достижения определенных результатов) и с точки зрения нравственности (его соответствия требованиям должно-дозволенного). В первом случае подчеркивается направленность права на существующее состояние общественных отношений, его приспособление к сложившейся практике, и в этом смысле законодательство выступает не более чем отражением, рефлексом исторических условий, текущих потребностей, целей и интересов общественных групп. Такая оценка в науке именуется натурализмом. Во втором случае делается акцент на идеологической составляющей права, этической обоснованности его требований, оправданности в глазах общества с позиций общей справедливости, его признания или непризнания общественным сознанием, и в этом смысле законодательство является проводником ценностей, идеалов, организующих, мобилизующих и направляющих массовое поведение. Данная оценка зовется рационализмом.

Сегодня в науке более не является проблематичным вопрос о том, связано ли право с моралью и, соответственно, исключают ли эти две оценки друг друга [1, с. 35–67]. Ведь вполне очевидным является то, что в основе законодательства любой развитой правовой системы лежит не только стремление к реалистическому описанию регулируемых общественных систем и к чисто внешнему механическому устройству общества, но и притязание на нравственное ограничение известных социальных сил (например, эгоизма и т. п.), стремление найти «золотую середину» – общественную справедливость. Последнее проявляется в том, что законодательное закрепление получают не все потребности, цели, интересы, но делается их отбор из множества возможных. Сам же выбор того, что в данном обществе дозволено, а что запрещено, производится не произвольно, но исходя из определенных идеальных, нравственных представлений законодателя о должном. Иначе говоря, критерием его оценок является не только практическое соображение целесообразности, но и идеал справедливости, нрав-

ственные стремления, принципы, итоговая модель социального устройства, которую хотелось бы видеть в действительности.

Однако является весьма спорным другой вопрос: какая из представленных оценок является приоритетной? В самом деле, санкционировав определенную распространенную и успешную практику, законодатель может некоторое время довольствоваться существующим прагматическим положением вещей. Однако практика со временем может выродиться или не поспевать за современными реалиями и, соответственно, будучи предоставлена самой себе, может встать в резкое противоречие с ожиданиями законодателя, без реформаторского вмешательства последнего, угрожая увековечить в сознании людей свои изъяны и анахронизмы. В этом случае законодателю приходится отбросить прагматические соображения и погрузиться в формулировку рационалистических основ практики или, шире, основ человеческого общества, логическим орудием которой будет совокупность нравственных, естественно-правовых представлений о должнствующем быть. Таким образом, в стремлении преобразовать какую-либо специальную практику или подвластное ему общество в целом, законодатель будет стремиться действовать рационально, в надежде и расчете на то, что его действия будут результативными на практике, то есть будут реализованы в жизнь. Но в конечном итоге он возвращается к той самой общественной практике, чтобы проверить, в какой мере его ожидания оправдались и действительны ли оказались его требования. При этом может получиться так, и часто именно так и получается, что требования, рациональные с его точки зрения, не реализуются, не приносят ожидаемых результатов, игнорируются на практике.

Отсюда может показаться, что рационально-идеологическая оценка вовсе не является приоритетной, а таковую в правовых высказываниях законодателя может получить и часто получает именно натуралистически-эмпирическая оценка. На это с несомненностью указывает желание законодателя, чтобы его требования принадлежали не только миру идеализаций и абстракций, но и реальной жизни, с которой приходится считаться и соизме-

рять свои рациональные действия. Впрочем, надо признать, что такие уступки законодателя в пользу простого признания, одобрения какого-либо устоя, положения носят ограниченный характер, встречаясь гораздо реже по сравнению с идеалистически-рационалистическими установками. В этом смысле в своей сути законодательство по преимуществу все же носит агрессивно реформаторский характер предписания о должном [5, с. 228–237], нормативные установления и нововведения которого вступают в упорную борьбу со старыми порядками, практиками, демонстрируя извечное противостояние рационализма с реализмом, идеала с жизнью, возмущение разума против жизни. Поэтому, как указывал еще С.А. Муромцев, юридическая норма не только вызывается потребностями жизни, но и отражает на себе свойства создавшего ее мышления законодателя. Вследствие этого, чтобы понять ту или иную систему норм, недостаточно понять условия, в которых она возникла, необходимо также понять ту интеллектуальную среду, которая ее сформулировала [3, с. 257 и след.].

Далее возникает серьезный вопрос об отношении законодательного мышления, разума, идеи справедливости к действительности, опыту, материальным условиям. Может ли какая-либо духовная ценность, идея самостоятельно порождать причинный ряд эмпирических событий? Возможно ли сознательно правовыми средствами изменить реальность или нет? Каков порядок взаимодействия идеальных и реальных факторов? Не претендуя на исчерпывающий ответ, нам видится ситуация следующим образом.

До сих пор широко распространено убеждение, что всякое наше знание проистекает из реальных отношений жизни и всесторонне обусловлено последним, что выражается формулой «Общественное бытие определяет общественное сознание». Однако данная формула содержит только часть правды и указывает лишь на источники *происхождения* нашего знания, берущие начало в материальном производстве и нашей инстинктивной природе (под реальными факторами понимается не только экономика, как думал марксизм, но также фактор власти и качественные и количественные отношения народонаселения).

Другая часть правды заключается в том, что генетическое объяснение возникновения какой-либо идеи ничего не скажет нам о ее *значении*, о той роли, какую она играет в истории [2, с. 241 и след.; 8, с. 74 и след.]. А потому всегда в корне ошибочной инициативой будет стремление вывести все позитивное содержание и ценностный смысл религии, искусства, морали, права и т. д. только лишь из материальных условий общества. Данные духовные формы лишь опираются в своем происхождении на материальные факторы, но в известном смысле являются творческим, конструктивным порождением сознания, так сказать, «причиной самих себя».

Однако это не следует понимать так, что любое произвольно возникшее значение можно реализовать в действительности. Напротив, идеи могут намного опережать состояние жизненных отношений и выглядеть утопией на неподготовленной почве, какой бы самооценностью они ни обладали. В связи с этим только те идеалы способны стать движущей силой истории, которые в результате *отбора* в контексте реальных факторов соединяются с интересами, инстинктами, коллективными влечениями, что называется «тенденциями» [7, с. 12]. Например, идея автократии возможна лишь в обществе, построенном на кровнородственных, националистических отношениях, идея теократии способна воплотиться только в политических обществах, где преобладает фактор власти, идея правового государства осуществима только в экономических обществах.

Иным является детерминационное взаимодействие идеи с той действительностью, в контексте которой она возникла и получает все большую степень реализации в тесном сплетении с реальными интересами, потребностями, влечениями. Применительно к данной ситуации всему, что мы называем «духом», коллективным разумом, в нашем случае законодательством, отводится роль управления общественными отношениями и их направления посредством психического воздействия на людей, их мотивацию, поведение [4, с. 11 и след.; 6, с. 229 и след.]. При

этом под «управлением» в данном случае понимается «удержание ценностно-акцентированной идеи», а под «направлением» – «торможение и растормаживание (отпускание) инстинктивных импульсов, упорядоченные движения которых реализуют идею» [7, с. 34]. То есть суть законодательства заключается в формулировании идеальной модели общества, согласно которой конституируется, организуется наша жизнь, это некоторая цель развития, догадка о будущем и совокупность средств в виде запретов, дозволений и обзываний, с помощью которых общество к ней стремится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопленко, Н. Н. Право в системе социальных норм : учеб. пособие. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 86 с.
2. Вышеславцев, Б. П. Философская нищета марксизма / Б. П. Вышеславцев // Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. – М. : Астрель, 2006. – 1037 с.
3. Муромцев, С. А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции / С. А. Муромцев // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – 528 с.
4. Петражицкий, Л. И. Введение в науку политики права / Л. И. Петражицкий // Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. – СПб. : Юрид. кн., 2010. – 1104 (LXXII+1032) с.
5. Петражицкий, Л. И. Роль законов в истории гражданского права / Л. И. Петражицкий // Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. – СПб. : Юрид. кн., 2010. – 1104 (LXXII+1032) с.
6. Сорокин, П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М. : Астрель, 2006. – 618 с.
7. Шелер, М. Проблемы социологии знания / М. Шелер. – М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2011. – 320 с.
8. Штаммлер, Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование / Р. Штаммлер. – М. : КРАСАНД, 2010. – 312 с. – («Из наследия мировой философской мысли»).

SOME ASPECTS OF LEGISLATIVE THINKING

Zykov Dmitry Valerievich

Degree seeking candidate, Department of Constitutional and Municipal Law,
Volgograd State University,
Chief Expert at the Department of Non-residential Premises Registration,
State Registrar Office The Federal Service for State Registration,
Cadastre and Cartography of the Volgograd Region
zyk9@yandex.ru, kmp@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper attempts to reveal the role of the legislative thinking in public practice. The author presents an outline of the protocol for coordination between real and ideal factors in lawmaking.

Key words: legal thinking as a syncretic form of interaction between theory and practice, ideal, real factors, appropriateness and morality as two modes of assessment legislator.